

МЕНТАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ БЕЛОРУСОВ

Е. И. Рублевская

УО ГГМУ (Гомель),

С. В. Телепень

УО МГПУ им. И. П. Шамякина (Мозырь)

Наша современность характеризуется усложнением общественной жизни и, как следствие, разнообразными проблемами социально-психологического характера. Ответом со стороны науки стало оформление новых исследовательских направлений и нового понятийного аппарата, необходимого для постановки и решения проблем, связанных с ментальной сферой жизни общества. В литературе, как медицинской, так и социально-гуманитарной, все чаще используются такие понятия, как «ментальное здоровье», «ментальные эпидемии», «ментальная экология» и «ментальная превентология». П.И. Сидоров, являющийся одним из признанных научных авторитетов в данном вопросе, определяет ментальную превентологию следующим образом: «Раздел общей превентологии, наука о путях формирования и поддержания оптимального уровня ментального здоровья, психогигиена и психопрофилактика на системной и мультидисциплинарной синергетической основе» [5, с. 42]. Понятие ментальной гигиены, если исходить из данного определения, представляется нам наиболее близко соотносимым именно с понятием ментальной превентологии как средством поддержания ментального здоровья общества.

Следует отметить, что понятия ментального и психического, будучи тесным образом связанными, тождественными, однако, не являются. Психическое здоровье предполагает стабильное функционирование психики, нормальное протекание психических процессов, обеспечивающих человеку возможность играть его социальные роли. В то же время понятие ментального здоровья является более широким и, во всяком случае, социально обусловленным, соотносимым с понятием ментальности как характеристики целой социальной общности, и, соответственно, имеющим культурную и ценностную природу. Отсюда следует, что если психическое здоровье является предметом исследования почти исключительно психиатрии и психотерапии, то ментальное здоровье выступает объектом изучения психологии, философии, гуманитарных наук. Исходя из сказанного, мы присоединяемся к концепции П. И. Сидорова, согласно которой «ментальное здоровье интегрирует потенциал духовно-нравственного, психического, соматического и социального здоровья, являясь конструктивно-созидательным ресурсом общественного сознания и общественного здоровья нации» [5, с. 38].

Разумеется, однозначных критериев ментального здоровья никакая наука – ни медицинская, ни гуманитарная – дать не может, поскольку в указанной сфере огромную роль играют субъективные факторы. При этом

никто не станет спорить, что такая форма социального здоровья является весьма актуальным феноменом. Соответственно, первостепенной задачей представляется, во-первых, зафиксировать и проанализировать те культурные тенденции, которые являются факторами риска для ментального здоровья общества, и, во-вторых, определить идеологические, социально-психологические и культурные механизмы, которые, выступая средствами профилактики ментального здоровья, позволяют эти риски снизить.

Главным фактором риска здесь является во много раз усложнившаяся социальная жизнь. Возникновение новых общественных институтов, неконтролируемая цифровизация, продвигаемый, а кое-где и навязываемый мультикультурализм, размытость ценностных ориентиров делает все более трудным как для отдельного человека, так и общества в целом создание адекватной картины мира [1, с. 61]. Возникает ситуация дезориентации в предлагаемом разнообразии мировоззренческих позиций и моделей существования. Если раньше к ментальному нездоровью могли привести ригористичные в своей нетерпимости к инакомыслию стереотипы сознания, то в современной жизни угрозой становится стремление все принять и одновременно все поставить под сомнение, то есть полная хаотизация представлений о мире, сопровождающаяся отказом от сколько-нибудь обоснованных оценок. Существенно, что установка на крайний релятивизм и агностицизм становится своего рода основой современного массового сознания [2, с. 67].

Применительно к современному социуму, прежде всего западному, наиболее серьезным аспектом данной проблемы представляется отрыв от национальных корней, игнорирование собственной культуры, традиционных ценностей, утрата своей исконной идентичности и подмена ее чужеродной или искусственной. Означенное является выражением ментального хаоса, потери точки опоры как отдельным человеком, так и обществом в целом, их манкуртизацией.

Картина современного мира, особенно если говорить о ее вестернизированной форме, несет в себе реальные угрозы ментальному здоровью нашего общества, его интеллектуальному потенциалу, духовно-нравственным ориентирам, мировосприятию и мировоззрению в целом. Что же могло бы стать средством эффективной ментальной гигиены? Представляется очевидным, что актуальная задача обеспечения ментального здоровья белорусского общества требует обращения к такому мощному терапевтическому средству, как историческая память. Обращение к ней вписывается в общий комплекс профилактических средств, призванных предупредить мировоззренческий хаос. Факторами означенной профилактики могут выступать как объективные – внешние, социальные механизмы, так и субъективные – внутренние, личностные. Внешними факторами профилактики ментального здоровья нации являются политико-идеологические средства, среди которых на одном из первых мест находится обращение к соответствующим сюжетам отечественной истории, помогающим понять, кто мы, куда движется белорусское общество, к каким целям нам следует стремиться и к каким средствам при этом прибегнуть.

Уже стало очевидным, что со стороны государства после почти трех десятилетий попыток вписаться в «общемировую контекст» (по сути, в западнцентристский миропорядок, основанный на «правилах») взят курс на патриотическое воспитание. В этом направлении активно проводятся соответствующие мероприятия. Здесь следует отметить всемерное взаимодействие государства с православной церковью как хранительницей традиционных для белорусов ценностей. Как представляется, утверждение православно-патриотических ценностей должно быть последовательным и непротиворечивым. Терапевтический эффект показа по телевизионным каналам торжественной литургии в дни церковных праздников, сменяемый настойчивой рекламой потребительских товаров или голливудской кинопродукцией, может оказаться сниженным. Скорее наоборот, в этом случае ментальный, мировоззренческий хаос мог бы лишь усилиться [2, с. 69–70]. Тем не менее здесь мы можем отметить удачный опыт запуска с 2021 г. в белорусской сети теле вещания православного канала «Союз», где во всяком случае означенные композиционные несовершенства не допускаются.

Следует указать также на положительное в целом разрешение в рамках белорусской государственной политики определенного смыслового зазора между опорой на традиционные православные ценности и обращение в практике воспитательной, идеологической, информационно-просветительской работы к советскому прошлому, трактуемому в основном комплиментарным образом. Сознание общества, кроме его все более маргинализирующейся квази вестернизированной части, положительно относится к достижениям и традициям советского периода, хранит память, в том числе на уровне истории семьи, о жертвах и подвиге прадедов в годы Великой Отечественной войны. Историческая память в этом случае – подразумеваемая семейная традиция, ясно демонстрирует совместимость и даже взаимообусловленность православного и советского мировоззренческих компонентов, как это, например, художественно убедительно показано в известном советском фильме «Они сражались за Родину».

Как представляется, утверждение базирующегося на исторической памяти патриотизма должно осуществляться не только в контексте политической пропаганды, а в связи с опорой на связь поколений, на семейную хронику каждой белорусской семьи. Но не меньшую роль играет соответствующая образовательная политика. Полноценное гуманитарное знание, опирающееся на язык, в том числе образов, транслируемых семьей, на памяти отечественной культуры в ее лучших образцах – по природе своей национально. Осознание человеком своей истории и культуры как национально специфичных феноменов является важнейшей основой патриотизма и выступает определяющим аспектом интеллектуального и ценностного компонентов его ментального здоровья. Именно поэтому на внешнем уровне решения проблемы профилактики ментального здоровья нации такую огромную роль играет образовательная и культурная политика государства. От последнего в этом случае требуется чуткое улавливание стремлений

общества, среди которых – ожидание уважения к сложившимся образам прошлого, где православное и советское на уровне семейной традиции неразделимы.

Разумеется, даже самая продуманная образовательная и информационная политика не решит проблем культуры, образования и ментального здоровья без деятельного участия в решении этих проблем самого общества. Вновь отметим, что установку на это может дать ему только традиционная семья, поддержка которой также должна рассматриваться в контексте государственной политики в области сохранения исторической памяти.

Если же подразумевать отдельно взятую личность, в жизни которой особую роль играют воля и желание отдельного человека, гигиену ментального здоровья обеспечивает, прежде всего развитие критического мышления, под которым следует понимать не вульгарно рациональное, а ценностно-рациональное. Такое мышление предполагает наличие надличностных надындивидуальных уровней восприятия, не подлежащих рациональному анализу, тем не менее, оказывающих сильное влияние на поведение отдельного человека и общества в целом. Это обусловленные культурой ценности, закодированные в национальной исторической памяти, которые сама личность осознает и признает в качестве определенных ограничителей, являющихся важными факторами предотвращения внутреннего ментального хаоса. Заметим, что эти ограничители ни в коей мере не ведут к утрате свободы отдельной личности, наоборот, они обеспечивают ее подлинную свободу, выражающуюся в победе над своим эгоцентризмом, и в достижении высшего уровня интеллекта, способного в этом случае осознать себя частью целого, участником национальной истории, транслятором исторической памяти. В связи с этим можно привести мысль Г. Маркузе, обосновывающего необходимость философского компонента в любом подлинно критическом мышлении: «Критическая философская мысль по необходимости трансцендентна и абстрактна. Эта абстрактность свойственна не только философии, но и всякому подлинному мышлению, ибо только тот действительно мыслит, кто абстрагируется от данного, кто движется от фактов к их движущим силам, кто не уничтожает факты в своём сознании. Абстракция это и есть сама жизнь мышления, признак его подлинности» [4, с. 176].

Мы можем заключить, что неотъемлемым условием ментальной гигиены нашего общества является способность адекватной самооценки и правильного определения им своего места в мире, механизмом чего выступает рефлексивная деятельность на всех уровнях – отдельной личности, семейного коллектива, нации в целом. В наиболее обобщенном виде рефлексия можно определить как процесс осмысления, переосмысления и преобразования субъектом содержания своего сознания [3, с. 59]. Историческая память в этом случае – действенный ресурс для выработки адекватного мировоззрения и терапевтическое средство для сохранения ментального здоровья нации.

Список использованных источников и литературы

1. Ковалев, А.А. Значение ментальной безопасности в современном мире / А.А. Ковалев // Вестник Вятского государственного университета. – 2023. – № 3 (149). – С. 61–70.
2. Кудрявцева, М.Е. Ментальное здоровье и ментальная гигиена: гуманитарный подход / М.Е. Кудрявцева // Тенденции развития образования. – 2019. – № 46.1. – С. 65–71.
3. Ладенко, И.С. Формирование творческого мышления и культивирование рефлексии / И.С. Ладенко, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов. – Новосибирск : АН СССР, 1990. – 65 с.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
5. Сидоров, П.И. Системный анализ ментальной медицины / П.И. Сидоров // Экология человека. – 2013. – № 10. – С. 37–46.

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С. В. Телепень

УО МГПУ им. И.П. Шамякина (Мозырь)

Вторая половина XIX века является периодом становления и дальнейшего развития самостоятельной белорусской исторической мысли, приобретающей в это время черты главного средства выражения культурно-символических образов прошлого. Данный процесс закрепления и внедрения в широкие общественные круги научных форм исторической памяти белорусов разворачивался в непростых и во многом противоречивых исторических условиях под влиянием различных факторов. Особенности формирования белорусской исторической мысли в данную эпоху во многом обуславливал не столько академический интерес представителей местной интеллигенции, сколько задачи политического характера. Эти задачи обуславливались как заинтересованностью властей в нейтрализации польского влияния, так и ростом самосознания образованной части белорусского населения, также все более осознававшего себя вне контекста шляхетского мировоззрения. Определенный стимулирующий эффект на рост интереса к белорусской истории и культуре оказали события 1863–1864 годов. Закономерным видится то, что именно в этот период оформляется в качестве особой отрасли знания белорусская историческая наука. Означенный процесс состоял не только в существенном расширении проблемного поля исследуемых тем, но и в адекватном требованиям научного знания оформлении трех важнейших направлений в историографии, традиционно именуемых как официально-консервативное, либеральное и демократическое. Данные наименования, как представляется на уровне современных подходов, характеризуются определенной степенью условности, однако для удобства классификации и объяснения их соотношения мы будем далее использовать указанные условные обозначения.

Известный белорусский историк консервативного лагеря М.О. Коялович, писавший в данный период, отмечает, что в отличие от собственно